

Александра Никитична Анненская

Франсуа Рабле. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Александра Анненская

**Франсуа Рабле. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Анненская А. Н.

Франсуа Рабле. Его жизнь и литературная деятельность /
А. Н. Анненская — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александра Анненская **Франсуа Рабле. Его жизнь и** **литературная деятельность**

Биографический очерк А. Анненской

С портретом Рабле, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

Конец XIII и начало XIV века можно считать исходным пунктом новой истории. Два главных устоя средневековой жизни, феодализм и католичество, расшатались в своих основах, теряли свое первенствующее значение, принуждены были отступать и стушевываться под влиянием новых условий, новых факторов прогресса. Никакая новая доктрина не выдвигалась смело вперед на смену старым. Язвы, разъедавшие средневековый строй, незаметно, но неуклонно подтачивавшие его существование, гнездились внутри него. Новые учреждения возникали бок о бок со старыми и развивались независимо от них, по своим собственным законам. Рядом с непогрешимой, неограниченной властью папы возникала другая – светская власть, власть королей; рядом с крепкими феодальными замками вырастали города, возникали огромные торговые и промышленные предприятия, накапливались богатства, нарождались поколения свободных, предприимчивых, умственно развитых граждан; рядом с невежественными, затупелыми монахами, не признававшими никакой науки, кроме богословия, доведенного ими до мелочного, чисто формального разбора текстов Священного Писания, являлись пытливые умы, стремившиеся проникнуть в тайны природы и человеческой души. Рядом с наивно-детской верою не только в догматы церкви, но и в самые нелепые предрассудки, *credo quia absurdum est*, пробивались робкие зародыши критической мысли, пытавшейся всё без исключения подвергнуть сомнению и анализу.

Открытия и изобретения, ознаменовавшие XV век, придали силу и жизненность вновь возникавшим явлениям. Смелые мореплаватели не только открывали новые земли, они вносили в сокровищницу европейской мысли новые понятия, новые взгляды на природу и на человеческие отношения. Книгопечатание сразу расширило круг людей читающих, бросило в массу знания и идеи, составлявшие до того собственность немногих избранных. С одной стороны, все более и более развивалась промышленная и торговая деятельность городов, с другой – крепла и мужала критическая мысль, дух исследования, отрицания установившегося догмата. В помощь молодой, едва возникшей науке «варваров» явились далеко опередившая ее наука арабов и долго лежавшие под спудом произведения классических авторов. Латинский язык в течение всех средних веков был органом и церковной, и ученой литературы, но дух и смысл древних мыслителей исчез среди схоластической формалистики; многие драгоценные рукописи были уничтожены изуверами-монахами, видевшими в них отражение языческих понятий; тексты искажались невежественными, нерадивыми переписчиками. По мере того как научная мысль вырывалась из тесных монастырских стен и охватывала все больше и больше умов, возрастало уважение к классической древности. Светские люди не смотрели на древних философов, художников и поэтов как на обреченных на погибель язычников, а преклонялись перед ними как перед своими учителями и руководителями на пути знания и творчества. Они изучали греческий язык, чтобы в подлиннике читать греческих писателей, интересовались древними зданиями, статуями, камнями. На почве изучения древних и подражания им выросла новая наука, сбросившая с себя гнет монастыря; наука, ставившая себе целью путем свободного, ничем не стесняемого исследования изучить все, что могло быть доступно человеческому разуму, – наука гуманитарная (от слова *homo* – человек) как противовес средневековой теологии.

Италия, опередившая прочую Европу на пути как материального, так и умственного прогресса, явилась колыбелью этого нового направления, и из нее свет гуманизма разлился широкой волной по Франции, Германии, Англии. Гуманисты не пытались бороться против существующего строя ни политического, ни религиозного. Их идеалом был идеал личный, стоявший вне условий существовавшего порядка. Они смутно верили, что раз этот идеал будет достигнут большинством или хотя бы избранным меньшинством, раз личность явится вполне сво-

бодно мыслящую и умственно развитую, политическая неурядица, окружавшая их, сама собой исчезнет.

В делах религии они отличались полной индифферентностью и, в случае надобности, охотно подчинялись разным церковным обрядам. Эта видимая покорность обманывала близоруких служителей церкви, не видевших в гуманистах своих врагов, а между тем их индифферентизм, охватывавший все более и более широкий круг лиц, приносил церкви больше вреда, чем наиболее ожесточенные нападения гонимых ею еретиков.

Рядом с этим направлением росло другое, имевшее с ним мало общего, но столь же пагубное для средневекового католичества. Направление, которое можно назвать светским, буржуазным. Работавшая, богатевшая, вечно занятая мирскими заботами буржуазия ставила себе цели чисто земные, не имевшие никакого отношения к духовному миру. Ее идеалы были прямо противоположны идеалам монашества. «Труд составляет цель человеческой жизни, – говорила она. – Это – тот закон, который Бог дал людям. Жизнь налагает на нас известные общественные обязанности; исполнять их лучше, чем молиться». Светский дух проникал во все сферы жизни, во все ее проявления: в искусство, в политику, в житейскую обстановку, в семейные отношения. Он, так же как и гуманизм, не поднимал никого на борьбу, но разъедающее действие его медленно и неуклонно подтачивало старое здание и способствовало движению прогресса.

Вслед за новым направлением жизни произошло изменение литературных форм. Народная поэзия, создававшая в средние века героические поэмы и легенды о благочестивых подвижниках, преобразилась в басню, в «животный» эпос, в фавлю, в роман, действующими лицами которого являются не святые и не герои, а простые смертные, даже вилланы (феодално зависимые крестьяне). Сатира, скромно ютившаяся в народных сказках и песнях, смело выступила вперед и мало-помалу наложила руку свою на все, что за несколько веков перед тем являлось предметом благоговейного уважения. Орудиями ей служили и перо, и кисть, и резец. Вместо любовных песен менестрели распевали на площадях сатирические куплеты, в церковные мистерии вставлялись тирады против испорченности нравов, в соборах появлялись барельефы со сценами из сатирического романа Рейнеке-Фукса, аббаты и монахи с церковной кафедры осмеивали пороки не только своих прихожан, но и высших сановников церкви, прелатов и кардиналов. Сатира не щадила никого и ничего: геройские подвиги рыцарей, показная добродетель ханжей, самовластие королей и гордых баронов, жадность и скупость разжиревших торгашей, невежество и плутоватость крестьян – все возбуждало ее смех, ее подчас едкий сарказм.

Но главным предметом ее обличений являются духовные лица всех званий, начиная с простого монаха и сельского священника до святейшего папы.

В фавлю католические монахи обыкновенно изображаются лицемерами, развратниками, обжорами, донжуанами низшего разбора; они вносят разлад в семью и постоянно подвергаются палочным ударам отцов и мужей обольщенных ими женщин.

Среди усиливавшегося разложения средневековых учреждений, среди мертвящего догматизма школы и церкви сатира являлась наиболее удобным выражением свободной мысли, ареной, на которой критический ум находит простор для своей деятельности. И в то время как трудолюбивые поиски истины учеными мыслителями подозревались в ереси, преследовались, могли привести к лишению свободы и даже жизни, легкомысленное подсмеивание над всем и всеми встречало всюду снисходительную улыбку.

Сатирическое направление литературы возникло впервые в Италии. Заимствовав из Франции форму фавлю (итальянская *novella*), итальянцы еще в XIII веке придали этим легким рассказам, преимущественно из современной жизни, обличительный характер. Итальянские новеллы отвергали всякий авторитет в старом строе, бичевали представителей и духовной, и светской властей, иронизировали над геройскими похождениями отживавшего свой век рыцарства и над мелочной скаредностью нарождавшейся буржуазии. Вместе с распростра-

нением просветительных идей в Европе шло и развитие сатирического направления в литературе. Передовые гуманисты облекали в сатирическую форму свои мысли, чтобы, с одной стороны, сделать их более популярными, более доступными большому кругу читателей, с другой, – чтобы высказать такие идеи, которые без покрова смеха и аллегории привели бы авторов на костер. В Германии появились «Похвала глупости» Эразма Роттердамского и «Письма темных людей», в Англии – «Утопия» Томаса Мора.

Во Франции достойным представителем гуманистической сатиры является в XVI веке Рабле. Рабле был искусный врач, полигност, изучавший и древние языки, и право, и естественные науки, успевший внести нечто новое во все отрасли знаний, которым отдавался. Но слава его основывается главным образом на большом сатирическом романе, написанном им. Роман этот не представляет какого-нибудь цельного произведения, написанного по строго задуманному плану. Он, очевидно, создавался урывками, без всякой руководящей идеи. «Он отлично знает, что говорит, но не всегда знает, что скажет дальше», – заметил Бальзак о Монтене, и отзыв этот как нельзя более подходит к Рабле. В его романе беспрестанно встречаются длинноты, отступления, вводные эпизоды, он иногда забывает, о чем хотел рассказать и подолгу останавливается на описаниях и сценах, бесполезно замедляющих ход действия и не имеющих отношения к его главным героям. Он писал, как писалось, часто вставлял в свой рассказ события из современной жизни, изображал под весьма прозрачными масками всем известные личности, иногда нарочно прибегал к шаржу и уродствам, колоссальным преувеличениям, чтобы иметь возможность высказать какую-нибудь смелую мысль.

У Рабле нельзя искать какого-нибудь определенного идеала будущего, лучшего общества. Он жил в переходную эпоху, когда, с одной стороны, рушились старые устои, с другой – появлялись еще неопределенные очертания новых. Первая половина его жизни протекла среди «весеннего» периода Возрождения. Новые освободительные идеи проникали всюду, но оставались в виде теории, мечты, не сталкиваясь еще с жизненной практикой. В их победоносную силу слепо верили, но еще никто не представлял себе практически всех последствий этой победы. Ими увлекались и короли, и высокопоставленные прелаты, нисколько не думая проводить их в жизнь.

Рабле ясно видел недостатки настоящего, но, подобно прочим гуманистам, смутно сознавал, что должно быть сделано для водворения иного, лучшего порядка и в какой форме выльется этот порядок. Он зло осмеивал не только пороки католического духовенства и суеверия масс, но иногда даже основные положения религии; он с негодованием отворачивался от узкой нетерпимости и догматизма возникающего в его время протестантизма, а взамен исповедовал какой-то неопределенный деизм, какое-то отвлеченное христианство. Он проклинал деспотизм, находил, что, кроме зла, тот ничего не приносит, и в то же время изображал добродушных, разумных государей, любимых народом, распространяющих вокруг себя благие деяния. Одно, что представляется Рабле безусловно необходимым, – это свободное, всестороннее развитие личности. Пусть каждой отдельной личности предоставлено будет право жить полную жизнь как тела, так и духа; пусть ничто не сковывает пылкости ума, полета мысли – остальное все приложится само собою, – это общее мнение гуманистов он разделял вполне. И там, где Рабле говорит о воспитании личности, он является передовым мыслителем, педагогом, значительно обогнавшим свой век. Основные положения его воспитательной системы повторены и разработаны гораздо позднее Локком в его «Thoughts concerning education» и в «Эмиле» Руссо. В противовес схоластической методе, заботившейся исключительно о формальном умственном развитии ученика посредством книжного обучения, Рабле, подобно своим знаменитым последователям, отводит широкое место физическому развитию, прогулкам, играм на открытом воздухе и гимнастическим упражнениям. Он не отрицает, подобно Руссо, пользы науки, не говорит, как Локк, что научное образование необходимо исключительно ради развития характера; но ставит нравственное усовершенствование выше умственного, находит, что, увеличи-

вая сумму знаний и самостоятельность мыслительной способности, следует всегда иметь в виду влияние их на характер человека. Рабле был одним из первых проповедников наглядности в преподавании, необходимости облегчать ученику усвоение знаний, возбуждать в нем интерес к явлениям жизни и природы. Его Гаргантюа за два века до Эмиля посещает мастерские ремесленников и представления фокусников, чтобы ознакомиться со способами различных производств, и занимается физическим трудом. Современники зачитывались романом Рабле. Всякий находил там то, что ему было по вкусу и пониманию: одних пленяли сатирические выходки и смелые мысли автора; других – фантастичность рассказа, причудливая смесь человеческих и исполинских форм, реальных и утопических отношений; третьих увлекала веселость автора, его задорный, нередко циничный смех. В XVI веке вышло до 60 изданий его романа. В XVII веке, в период развития монархизма в сфере государственной, авторитета в сфере мысли, салонного приличия в литературном языке, Рабле был забыт. Восемнадцатый век, вернувшийся к заветам шестнадцатого, вспомнил одного из поборников освободительных идей. Но та форма, в которой выражаются эти идеи у Рабле, служила для многих препятствием к пониманию их. Грубые шутки, циничные выходки и чревоугодие героев Рабле отталкивали от него благовоспитанных философов парижских салонов; Лафонтен и Мольер увлекались Рабле, но Вольтер не смел признаться, что зачитывается им. Разбирая его роман, он удивляется, как могла быть издана книга, наполненная такою грязью, таким кощунством над самыми священными предметами, – и в то же время не обинуясь цитирует в своей статье наиболее грязные, наиболее кощунственные места романа.

Правильное понимание Рабле в значительной степени затемнялось еще тем, что как современное ему поколение, так и позднейшие пытались непременно отыскивать в его романе аллегорические изображения разных лиц и событий. Ходило даже несколько различных ключей для объяснения этих аллегорий. Так, в Грангузье видели Людовика XII, в Гаргантюа – Франциска I, в Пикрошполе – Карла V; в рассказе о топорах, которые дровосеки спешат потерять, чтобы получить от Юпитера серебряные, – намек на готовность французских дворян уступать своих жен королю, и т. п. Все подобные толкования явно натянуты и не выдерживают ни малейшей критики. Некоторые эпизоды в романе, правда, навеяны автору современными событиями, но совершенно нелепо представлять весь роман как какой-то аллегорический пересказ исторических фактов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.